

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.1.2>

UDC 14.41

LBC 87.6

SOCIAL AND ECONOMIC: ONTOLOGICAL DIFFERENCES AND INTERACTIONS

Marat P. Buzskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article actualizes the problem of the correlation between social and economic being as two independent spheres of the social system. Noting the tendency of a certain “seizure” of social components by the information and communication space, the author sees the cause of the instability of the social in modern society in its erroneous inclusion in the general and unified algorithm of social reproduction of the subject environment and social relations that arose since the 17th century, which does not allow us to single out its own specifics. The social in its basis is *subjective, not substantive*, it has its own space and time, and therefore its being tied to those accelerating rates of production, which are based on the growth of scientific knowledge, new technologies, on the continuous growth of the population, information, etc., is inadequate to its essence. The social cannot be a simple product of productive activity, since it constitutes an essential condition for the realization of production itself. The social reveals its own time and space, which have a subjective basis, its content is distinguished by cultural forms, symbolic systems that ontologically isolates the social sphere and ensures its links with other spheres of the social system. In the author’s opinion the main feature of the social is that in its content “primary” and immediate “manifestation” is the cultural-semantic, value-normative and sign-symbolic environment that form that special space in which directly general (within a given culture, society or epoch) reality - for people opens external - social and natural - and the inner reality. In this symbolic environment, people live, act, communicate, experience their interactions, achievements and failures, etc.

The hypothesis on the cultural basis of social production, on the subjectivity of the social as a necessary form of integration of the general and individual in the real experience of people, is grounded, the features of communication and interaction of social and economic spheres of the social system are revealed.

Key words: the social, the economic, information space, social reproduction, social time, subject, culture, sign-symbolic environment.

УДК 14.41

ББК 87.6

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Марат Павлович Бузский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье актуализируется проблема соотношения бытия социального и экономического как двух самостоятельных сфер общественной системы. Отмечая тенденцию определенного «захвата» компонентов социального со стороны информационно-коммуникативного пространства, автор видит причину неустойчивости социального в современном обществе в его ошибочном включении в общий и единый алгоритм общественного воспроизводства предметной среды и общественных отношений, возникший еще с XVII в., что не позволяет выделить его собственную специфику. Социальное в своей основе *субъектно, а не предметно*, оно имеет свои собственное пространство и время, а потому его бытие, привязанное к тем ускоряющимся темпам производства, которые базируются на росте научных знаний, новых технологиях, на непрерывном росте населения, информации и т. д., оказывается неадекватным его сущности. Социальное не может быть простым продуктом производственной деятельности, так как оно составляет существенное условие осуществления самого производства. Социальное обнаруживает свои собственные время и простран-

ство, которые имеют субъектную основу, в его содержании выделяются культурные формы, знаково-символические системы, что онтологически обособляет сферу социального и обеспечивает его связи с другими сферами общественной системы. Основную особенность социального автор видит в том, что в его содержании «первичным» и непосредственным «проявлением» выступают культурно-смысловая, ценностно-нормативная и знаково-символическая среды, образующие то особое пространство, в котором – как непосредственно общей (в рамках данной культуры, эпохи или общества) реальности – для людей открывается внешняя – социально-природная – и внутренняя реальность. В этой символической среде люди живут, действуют, общаются, переживают свои взаимодействия, достижения и провалы и т. п.

Обосновывается гипотеза о культурной основе производства социального, о субъектности социального как необходимой формы интеграции общего и единичного в реальном опыте людей, раскрываются особенности связи и взаимодействия социальной и экономической сфер общественной системы.

Ключевые слова: социальное, экономическое, информационное пространство, общественное воспроизводство, социальное время, субъект, культура, знаково-символическая среда.

Одна из базовых категорий социальной философии и социологии – «социальное» – сегодня обнаруживает необходимость своего дальнейшего концептуального уточнения, поскольку оказывается в двойственном положении: этот феномен и существует – он признается как реальность и действительно таковой является, но и не существует – как нечто уже «исчезнувшее». Действительно, с одной стороны, категория «социальное» достаточно всесторонне «нагружена» в социальной философии и социологии. Так, современная социальная теория и общественная практика широко используют понятия «социализация личности», «социальная структура», «социальный статус», «социальная роль» и т. д., рассматривая социум как одну из базовых сфер общественной системы. Но, вместе с этим и в противовес этому, сегодня говорят также о «смерти социального», на месте которого возникло «сетевое общество» (М. Кастельс), «общество знаний» (Д. Белл), «электронное общество» и т. д.

И вопрос о социальном актуализируется не только потому, что два его «образа» онтологически находятся на двух разных полюсах, но обнаруживается тенденция информационного «захвата» социального: информационное пространство как сфера осуществления коммуникаций (в первую очередь – Интернет) перемещает важные компоненты социума в свою орбиту, превращая эти компоненты в ресурсы дальнейшего процесса информатизации общественной системы. М.В. Ростовцева, А.А. Машанов и З.В. Хохрина, которые исследуют социальные последствия интернет-коммуникаций, пишут: «“Обособление” чело-

века от общества в современных информационных условиях гипертрофируется, что порождает диалектическое противоречие. Оно связано с действительным “обособлением” и практически безнадежной потерей духовной связи с предыдущими поколениями, но с другой стороны мы наблюдаем процесс массового “обобществления”. Человек стремится к объединению, к включению себя в общество, но не в общество в его традиционном понимании, а в сообщество, а, точнее, в сообщества, имеющие информационную природу. Мы не побоимся утверждать, что к настоящему времени уже практически произошла замена традиционных институтов социализации такими виртуальными информационными сообществами. Это касается даже института семьи» [8, с. 1284].

Рассматривая взаимодействие информации и социума, М. Кастельс пишет: «С одной стороны, образование виртуальных сообществ, базирующихся главным образом на онлайн-коммуникации, описывалось как кульминация исторического процесса разделения места расположения и социальности: новые – избирательные – модели социальных отношений приходят на смену формам взаимодействия между людьми, основанными на территориальных связях. С другой стороны... распространение Интернета способствует социальной изоляции, разрыву общественных связей и разрушению семейной жизни, когда анонимные индивидуумы практикуют беспорядочную коммуникабельность, отказываясь от личного взаимодействия» [5, с. 141].

И этот разрыв общественных связей на основе развития интернет-коммуникаций ох-

ватывает не только отношение индивидов и социума. Здесь происходит социальная детерриторизация: социальные функции выносятся за рамки своего социального пространства и даже времени, своего социального «места» и тем самым отрываются и от самой социальной среды: «Общественные пространства – агоры и форумы в их различных проявлениях, места, где определялся круг вопросов для обсуждения, где личные дела превращались в общественные, где формировались, проверялись и подтверждались точки зрения, где составлялись суждения и выносились вердикты – эти пространства вслед за элитой сорвались со своих местных якорей; они первыми “детерриторизируются” и распространяются далеко за пределы возможностей “естественной” связи, которыми обладает любая местность и ее жители» [1, с. 40].

И здесь необходимо задать вопрос: почему социальное оказывается сегодня настолько незащищенным, что начинает разрушаться под действием более частных для него факторов, например, информации? Какие концептуально-мировоззренческие дефекты возникли в понимании социального, может быть, еще в начале «запуска» той программы неограниченного развития общества на основе расширенного воспроизводства, в которой продолжает существовать современное общество, начиная примерно с XVII в. – начала формирования капитализма? Предварительно выдвинем предположение (и постараемся обосновать его в дальнейшем изложении), что *источником негативных для социума последствий стало включение его в сферу той общей предметности, которая постоянно создается в обществе независимо от способа производства*. Действительно, раз общество как система – это источник любого своего содержания, то почему социальное исключают из этого общего алгоритма? *Оно также – продукт общественного воспроизводственного процесса*. Наиболее четко эта позиция оказалась выраженной в марксизме, который связывает социальную структуру непосредственно с историческим уровнем развития производства.

Так, молодой Маркс, разясняя в письме к Анненкову свою концепцию материалистического понимания истории, сделал акцент

на том, что вещи, которые возникают в конкретные периоды истории, выражают соответствующие общественные отношения. «Ветряная мельница дает нам феодализм, а паровая машина – капитализм» – раскрывал он русскому писателю свою позицию. Гораздо позже, уже на рубеже 10–20 гг. XX в., в статье «Великий почин» В.И. Ленин определил классы как «большие группы людей, отличающиеся по их месту в системе общественного производства, по их отношению к средствам производства». Классы, таким образом, порождены определенной системой производства и вне ее самоопределиваться не могут. И здесь очень интересный момент: являясь важной частью социальной структуры, классы не получают своего *социального обоснования*, хотя признается их связь с культурой, идеологией и тем более – с политической сферой жизни общества.

Но если содержание социального «производится» так же, как и другие стороны общественной жизни, то закономерно возникают условия, когда *само социальное становится особым «предметом» специально государственного конструирования*. Свое практическое воплощение эта идея получила в строительстве социалистического общества – планомерном формировании всех компонентов общественной системы – начиная с человека и заканчивая культурно-ценностными формами общественной жизни. Здесь, однако, материальная производственная деятельность получила свое огромное мировоззренческое «подкрепление» в идеологии, которая приобрела функцию направляющего ориентира в самой системе общественного воспроизводства.

Была ли такая практика позитивной, или же она оказалась фатальной ошибкой для дальнейшего развития СССР и других стран социализма? Мы не будем давать здесь какую-либо оценку этому историческому периоду в жизни общества, так как пока не имеем оснований считать это хорошим или плохим социальным опытом общества. По крайней мере, таков был ответ социалистических стран на вызов внешнего мира и требования собственного развития. Но уже можно сказать, что включение социального в общий механизм общественного воспроизводства, направлен-

ного на формирование исторически конкретной предметной среды как необходимого условия бытия общества, обнаруживает в XX в. существенную проблему: социальное в своей основе *субъектно, а не предметно*, оно имеет свои собственные пространство и время, а потому его бытие, привязанное к тем ускоряющимся темпам производства, которые базируются на росте научных знаний, новых технологиях, на непрерывном росте населения, информации и т. д., оказывается неадекватным его сущности. В горизонте ускоряющегося развития общественной системы **социальное обнаруживает свое отставание от сферы экономического**: *социальные нормы перестают соответствовать тем требованиям*, которые идут от техногенной сферы общества, а потому эти нормы сами «технологизируются», выступая простым проводником развития техногенной среды.

Это преодоление отставания социального стало, в частности, одним из важных направлений той индустриализации, которая происходила в СССР с 30-х годов. Известно, что И.В. Сталин, обосновывая ускоренный процесс социалистической индустриализации, отмечал: «либо мы пробежим этот период за 10 лет, либо нас сомнут». Таким образом, целенаправленное и планомерное опережающее воспроизводство социального стало в значительной мере ответом СССР на вызовы внешней среды и попыткой преодолеть сохраняющиеся здесь диспропорции. С позиций общего процесса воспроизводства, социальное отставание преодолевалось на основе резкого роста темпов урбанизации, развития всеобщего образования: ведь еще к началу индустриализации значительная часть населения России (как и СССР) была деревенской.

Современное информационное общество открывает процесс глобализации, для которого, конечно, не существует адекватного ему социального пространства и времени. Информация расширяется и ускоряется в своем времени, которое в большей мере техническое (физическое, календарное), чем социокультурное. И здесь уже начинают проявляться процессы, угрожающие социальным и культурным основаниям бытия человека. Так, современные авторы с тревогой замечают, что в современном обществе «все *возрастающие*

темпы (курсив мой. – М. Б.) производства энергии никак не соотносятся с высшими ценностями и смыслом человеческого существования... все в большей мере вступают в противоречие с ним и грозят человечеству необратимыми последствиями» [3, с. 10].

Эта угроза осознается на основе того, что техническое и социальное рассматриваются в некоторой общей плоскости: именно в ее пространстве и открывается указанное несоответствие. Но технический прогресс не остановить, и его выхождение за мир человеческих ценностей и культуры выступает как устойчивая и объективная тенденция. И тогда возникает вопрос: как быть с социальным? Должно ли оно сохранять в этом процессе глобального ускорения свою изначальную идентичность – быть пространством взаимодействия социальных субъектов, основой видения и понимания реальности данным обществом, или же оно должно трансформироваться? Но в таком случае – как и на какой основе?

Конечно, изменяющийся мир постоянно нуждается в его «переопределении». Как справедливо замечает А. Тоффлер, «мир, который возникает с огромной скоростью из столкновения новых ценностей и технологий, новых политических отношений, новых стилей жизни и способов коммуникации, требует совершенно новых идей и аналогий, классификаций и понятий» [9, с. 20]. Но где проходит граница этих «переназваний»? Ведь в обществе, как и в остальной объективной реальности, существуют свои *константы*, которые сохраняются, так как их собственное время изменений «течет медленно». И одной из таких констант выступает *феномен субъекта* – основы и условия самого существования общества с его воспроизводственной и коммуникативно-смысловой основой. С этих позиций и социальное как пространство межсубъектного взаимодействия должно сохранять свою онтологическую идентичность в контексте исторического развития общества.

Но что же выражает категория «социальное»? Как оно понимается в современной философской литературе? Можно сказать, что научных сообщений, связанных с исследованиями онтологии социального, по-видимому, недостаточно, хотя в других аспектах – уточнения понятийного статуса, структуры и дру-

гих характеристик социального – новые публикации возникают постоянно.

Ю.М. Резник в своей обзорной статье о понятии «социальное» пишет: «В самом общем виде понятие “социальное” можно определить как *область или сферу реальности, связанную с человеческими взаимодействиями*». В этом аспекте, продолжает автор, «оно имеет четыре основных значения: 1) *социальное как надприродное, надорганическое существование человека*, поднявшегося в своем развитии на уровень духовной жизни; 2) *социальное как синоним общественно-го* (то есть способ совместной деятельности, или способ организации человеческих отношений); 3) *социальное как социентальное*, то есть понятие, служащее для обозначения совокупности отношений между людьми как представителями различных общностей (классов, этносов и т. д.) и институтов (государство, партии, семья и пр.), осуществляемых в пределах всего социума или внутри сфер его жизнедеятельности; 4) *социальное как собирательное и нормативное понятие*, обозначающее сферу государственного (или негосударственного) обеспечения условий труда и жизни людей, а также регулирования отношений между ними по поводу удовлетворения потребностей и в защите их права на достойную жизнь» [7, с. 89–90].

Автор считает, что научную и философскую основу имеют лишь три первых трактовки социального. С нашей точки зрения, ближе всего к социальному стоит его понимание как *социентального* – отношения людей друг к другу и к институтам, учреждениям в контексте того внутреннего пространства общностей, которое эти субъекты представляют с позиций своей бытийной идентичности. Служебные, профессиональные, политические, юридические и другие отношения индивидов и социальных групп (коллективов) заданы здесь нормами той или иной общности.

Соглашаясь, в целом, с данным подходом, тем не менее следует отметить, что в нем *не выделен статус социального*, то есть не отмечен его «бытийный уровень» по отношению к другим сферам общества. Тем не менее отмечается процесс осмысления такого статуса через соотношение понятий «часть-целое», «форма-содержание» и др. Так, данный автор,

обобщая существующие подходы к связи социального с другими сферами жизни общества, отмечает, что в соотношении «социальное-культурное» «социальное понимается как форма человеческих взаимодействий, описываемая в терминах “социальная структура”, “группа”, “социальные отношения”, “социальный статус”, “социальная роль” и т. д., а культурное – как содержание взаимодействия, выраженное в терминах “способ деятельности”, “образцы”, “нормы”, “ценности” и т. д.» [7, с. 91]. А в соотношении «социальное-экономическое» – «по характеру системных связей социальное выступает как целое, а экономическое как его часть, отвечающая за жизнеобеспечение общества и адаптацию его членов к условиям окружающей (прежде всего, природной) среды» [7, с. 92].

При всем позитиве исследования этих связей все же определение «места» социального через систему категорий диалектики «размывает» специфику социального в выделенных здесь отношениях, так как здесь его бытийная основа оказывается как бы второстепенной. Но **основная особенность социального в том, что здесь «первичным» и непосредственным является культурно-смысловая, ценностно-нормативная и знаково-символическая среда** – то особое пространство, которое непосредственно открыто людям как некая общая (в рамках данной культуры, эпохи или общества) реальность, через «призму» которой для людей открывается внешняя – социально-природная – и внутренняя реальность. В этой символической среде люди живут, действуют, общаются, переживают свои взаимодействия, достижения и провалы и т. п.

Особая «магия» или двойственность этой среды в слиянии здесь субъективного и объективного: она *субъективна*, так как полностью зависит и порождается, сохраняется и удерживается на основе совместной деятельности и общения людей, но она же и *объективна* как нормативная реальность со своей текучей и динамичной структурой, которая создает и удерживает устойчивость конкретного социального, культурного (и вместе с этим – экономического, политического, технологического и др.) порядка. *Именно потому, что в общественном производстве*

люди действуют на основе этой упорядочивающей среды, она сама не может формироваться по тем же основаниям, что и остальная реальность, поскольку именно эта среда, а не возникший предметный мир, создает субъектов этой воспроизводственной деятельности. Ю. Хабермас замечает: «Социальные системы видятся нами как жизненные миры, которые символически структурированы. Мы говорим о системной организации с точки зрения их способности поддерживать собственные границы и продолжать свое существование, преодолевая сложность постоянно меняющегося окружения» [10, с. 4].

П. Бергер и Т. Лукман рассматривают социальность как «матрицу всех социально объективированных и субъективно реальных значений; целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках универсума» [2, с. 158]. Основой социума авторы считают язык, структурирующий формы общения и само пространство социума, который «благодаря своей способности выходить за пределы “здесь-и-теперь”... соединяет различные зоны реальности, повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое... Язык формулирует лингвистически обозначенные смысловые поля и смысловые зоны» [2, с. 68–71]. Однако сам язык *требует воспринимающих его субъектов*, которые в зоне действия определенного языка являются субъектами социальными, коллективными. Но тогда *как возникают сами субъекты – основа и носители социального?*

Можно предположить, что социальные субъекты возникают объективно и неосознанно для самих людей как особая «превращенная форма»: субъект – это многообразие реальной жизни, «свернутое» как *позиция людей* по отношению к этой жизненной среде. Это свертывание осуществляется через язык и культуру, различение себя и мира. *Социальный субъект – это порождение и условие самой деятельности*, в которой обязательным является выделение целей и определение реальности через эти цели. Субъект – это всеобщее условие (и даже некий механизм) расщепления реальности на то, что есть, и то, что должно быть (цель). Поэтому субъект – и «внутри» деятельности, как ее

структура, и вместе с тем – пространство и общее условие самой деятельности, которая всегда имеет субъективную форму.

Поэтому социальное – как выделенное пространство бытия субъектов – не может производиться так же, как и любые другие предметы. В данном плане **социальное не производится, но производит**. Именно в его собственном пространстве находится огромная сфера экономики, пространство которой оказывается распределенным не только организационно и технологически, но и политически. А еще глубже – социально, поскольку материальное производство выступает как функция деятельности социальных субъектов.

Субъектная форма отношения к миру – это особый способ обобщения реальности, который присутствует в языке, в юридических, этических, эстетических и других нормах. Субъектная форма – это обобщение, в котором интегрируются такие системы, как язык, нормы деятельности и общения, позиции данной группы населения в общественной системе, социальные роли и позиции этих групп. Именно поэтому данная форма оказывается социальным субъектом – нацией, классом, социальной общностью. Раскрывая понятие «социальная форма», В.Е. Кемеров отмечает: «Способность человека открывать и воссоздавать в предметах их сверхчувственные социальные свойства предполагает и в нем носителя и творца подобных же свойств. Он овладевает социальной формой предмета потому, что владеет социальной формой своего собственного предметного бытия, *находится в этой форме* (курсив мой. – М. Б.), выявляет ее границы, преодолевает их» [6, с. 129]. Но отсюда следует, что социальное имеет сложную структуру своего пространства и времени, так как в нем сосуществуют многие субъекты, формируя свое собственное пространство и время, свои цели и интересы и, соответственно, – свое «расщепление» реальности на фактическое и должное.

Тем не менее, несмотря на социально-исторические различия самих социальных субъектов – классов, наций и др., можно предполагать, что *все они возникают на основе одного и того же механизма – превращения реальности*, которая существует в их жизненном опыте, **в форму отношения к**

этой реальности, причем содержанием этой формы становится субъективность как способ освоения этой реальности. Именно в рамках этой формы язык как символический универсум соединяется с сознанием и жизнедеятельностью коллективных субъектов, выступая как бытие этноса, нации и даже класса. Социальные субъекты превращают многообразие реальности в некий общий «предмет» (или объект), в рамках которого существует картина мира и вообще любая концептуальная или категориальная модель, в которой для субъектов существует реальность. Ведь функция субъекта – формировать из хаотичной внешней реальности некоторые организованные и осмысленные миры, в которых может работать человеческая логика и существовать человеческий опыт.

Возникновение социальной субъектности – это *механизм, позволяющий соединять общее (как понятия, нормы и др.) с одной стороны, и конкретное, фактическое – с другой*. Это связь чувственности и мышления, социального пространства и времени, это условие осуществления любой деятельности, выделения смысла, постановки целей и задач. И все это – через процесс «дистанцирования» от данной конкретной реальности, который постоянно осуществляется в бытии общества как арены субъектно-объектного взаимодействия, в котором субъекты осуществляют их собственные познавательные и другие функции. Таким образом, без субъектной формы индивиды были бы не в состоянии постоянно воспроизводить в своих действиях общественные нормы и требования, понимать общественное целое, равно как и вообще участвовать в общественной жизни.

Украинский философ В.П. Иванов еще в 70-е гг. прошлого века обстоятельно раскрыл, каким образом существуют сами субъекты и как они выделяются из реальности. Он писал: «Опыт следует рассматривать в рамках человеческого способа бытия – в единстве его деятельно-практических, общественно-исторических и индивидуальных характеристик. Этот контекст... придает опыту значение *особой субъективной формы освоения мира*, определяющим свойством которой выступает *способность ассимилировать явления бытия как факты жизнедеятельности*» [4,

с. 132]. Это значит, что **субъект – это способ перевода содержания реальности в форму деятельности** (впрочем, как и в форму созерцания), то есть *способ определения самой деятельности* и ее содержания, взятых в контексте определенных интересов, мировоззрения, ценностей и т. д. Указанный автор очень четко это раскрывает, когда указывает, что «в круговороте его (субъекта. – М. Б.) жизнедеятельности должна возникнуть форма, в которой быть в отношении к предмету означало бы то же самое, что быть самим собой» [4, с. 134]. Этой формой является самосознание субъекта (коллективное «Мы» – название нации, этноса, определенного класса), проекцией которого выступает и сознание (самосознание) личности.

Но социальные субъекты возникают не только как внутренняя структура и форма деятельности, но и как освоение реальности через «призму» самих себя, своего бытия в мире. Их основанием теперь является **культура**, в пространстве смысла которой (язык, символы, ценности и др.) коренится и деятельность. *Культура*, даже самая примитивная – это *способ бытия людей, в котором они уже начинают выходить за рамки чисто природной зависимости и начинают делать первые шаги обособления от природы*, то есть формируют способы отношения к ней (язык, труд, охота, магия, фетишизм и др.).

И в этом аспекте культура выступает как особое содержание, которое как бы «объективирует» человеческую субъективность, существуя в знаково-символических, текстовых реальностях. Культура – это оторвавшаяся от конкретных субъектов и их собственного исторического времени, объективированная в символах и образах, в сюжетах и жанрах субъективность, которая переходит в ценности и выполняет регулятивно-идентификационную роль в развитии общества. И она становится *одним из важнейших источников воспроизводства социального*. Социальное, таким образом, возникает и сохраняется как особое интегративное пространство, в котором существуют реальные коллективные субъекты (общности, поколения и др.), пространство и формы культуры, регулятивные нормы морали, этики, традиционные (язык) и новые средства коммуникации, опыт межсубъектного взаимодействия.

Однако нельзя считать, что сфера экономического никак не воздействует на социальное. Во-первых, на основе экономической сферы происходит постоянное обновление и расширение самого пространства социума: новые знания, требования, технизация и технологизация средств коммуникаций (Интернет), ускорение общественных изменений – все это корректирует социальное, наполняя его нормами и содержанием *современности*. В этом смысле экономическое имеет конкретное отношение к воспроизводству и изменению социального, которое, однако, не является первостепенным и определяющим. Взаимодействие экономического и социального оказывается не прямым, непосредственным, а происходит через общее изменение общественной системы: постоянное ускорение времени в этой системе приводит к тому, что *социальное должно приобретать «защитный пояс»* (И. Лакатос), чтобы в своем самосохранении реагировать на изменения среды. И таким «поясом» становится технологизация самой бытийности субъектов: любые действия и связи людей, их включение в производство, в социальные роли, в коммуникации и т. п. сегодня требуют «технологической инструментальности» – применения таких средств, на основе которых преодолевается разбалансированность социального, культурного пространства, вызванная несовпадением времени бытия социального и его субъектов с одной стороны, и ускоряющимся временем процесса производства с другой.

Социальное объективно не может быть «снято» уже потому, что в нем содержатся границы понимания, целеполагания, потребностей, интересов, ценностей, производственные и культурные возможности действующих поколений данной эпохи как субъектов. Поэтому «игнорирование» особенностей социального в современных концепциях информационного общества и его модификациях является серьезной недоработкой социальной теории и общественной практики, которые не находят условий и способов такого расширения пространства социального, в котором может быть определена логика самих информационных процессов, их общественно-исторический и онтологический статус.

И когда говорят о неограниченных возможностях искусственного разума, то продол-

жают неосознанно или непреднамеренно, но тем не менее – реально – «выводить» субъективность из мира социокультурной сферы и вписывать этот разум в овеществленно-техногенную среду как ее подлинное свойство. Тем самым социальное и субъектное становятся как бы «лишними», поскольку уже сейчас машинный интеллект (компьютер) считает быстрее человека, не делает ошибок, имеет неограниченный объем памяти, снабжен огромным количеством технологий и т. п. Но машинный интеллект в принципе лишен свойства включаться в человеческие смыслы – стыд и радость, страх и восторг. Машинный интеллект – это сегодня способ регулирования огромными и сложнейшими техническими системами в условиях невиданных темпов изменений, но последние происходят не во времени самих субъектов и социума, а в физическом времени, в котором и движутся овеществленные процессы и их носители. Машинный интеллект – это особый «защитный пояс», который возникает между человеком-субъектом в его социокультурном бытии, с одной стороны, и техногенными параметрами общественного воспроизводственного процесса, который в целом осуществляется в рамках экономической системы. И доверять этому интеллекту функцию субъекта – огромная ошибка.

Восстановление истинного смысла и статуса социального в современном обществе – это значительный шаг к гуманизации информационно-техногенной реальности, шаг к преодолению того смыслового и гуманитарного кризиса личности, который отчетливо проявляется в наше время. Решение этого вопроса открывает путь к обновлению социальных институтов (особенно – образования и культуры), к значительному уменьшению – если не преодолению – рискогенности современного планетарного сообщества, к выработке тех принципов и норм международного общения и сотрудничества, которые востребованы в современном процессе глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман, З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. – М. : Весь мир, 2004. – 188 с.

2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

3. Иванов, В. Н. Социальные технологии в современном мире / В. Н. Иванов. – М. : Славянский диалог, 1996. – 335 с.

4. Иванов, В. П. Человеческая деятельность – познание – искусство / В. П. Иванов. – Киев : Наукова думка, 1977. – 252 с.

5. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.

6. Кемеров, В. Е. Введение в социальную философию : учебник для вузов / В. Е. Кемеров. – М. : Академический Проект, 2001. – 314 с.

7. Резник, Ю. М. Понятие «социальное» в современной философии и науке / Ю. М. Резник // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 11, Вып. 1 (2). – С. 88–111.

8. Ростовцев, М. В. Социально-философские проблемы социализации личности в условиях информатизации современного общества / М. В. Ростовцев, А. А. Машанов, З. В. Хохрина // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6-5. – С. 1282–1286.

9. Тоффлер, А. Третья волна / А. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.

10. Habermas, J. Legimitation crisis / J. Habermas. – Boston : Beacon-Press, 1975. – 166 p.

REFERENCES

1. Bauman Z. *Globalizatsiya: posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization:

Consequences for Man and Society]. Moscow, Ves mir Publ., 2004. 188 p.

2. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.

3. Ivanov V.N. *Sotsialnye tekhnologii v sovremennom mire* [Social Technologies in the Modern World]. Moscow, Slavyanskiy dialog Publ., 1996. 335 p.

4. Ivanov V.P. *Chelovecheskaya deyatelnost – poznanie – iskusstvo* [Human Activity – Knowledge – Art]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1977. 252 p.

5. Castells M. *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on Internet, Business and Society]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2004. 328 p.

6. Kemerov V.E. *Vvedenie v sotsialnuyu filosofiyu* [Introduction to Social Philosophy]. Moscow, Akademicheskyy Proekt Publ., 2001. 314 p.

7. Reznik Yu.M. *Ponyatie «sotsialnoe» v sovremennoy filosofii i nauke* [The Concept of ‘Social’ in Modern Philosophy and Science]. *Voprosy sotsialnoy teorii*, 2008, vol. 11, iss. 1 (2), pp. 88-111.

8. Rostovtsev M.V., Mashanov A.A., Khokhrina Z.V. *Sotsialno-filosofskie problemy sotsializatsii lichnosti v usloviyakh informatizatsii sovremennoogo obshchestva* [Socio-Philosophical Problems of Personality Socialization in the Conditions of Modern Society Informatization]. *Fundamentalnye issledovaniya*, 2013, no. 6-5, pp. 1282-1286.

9. Toffler A. *Tretya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST Publ., 1999. 784 p.

10. Habermas J. *Legimitation crisis*. Boston, Beacon Press, 1975. 166 p.

Information about the Author

Marat P. Buzskiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, metamarat1@yandex.ru, socphil@volsu.ru.

Информация об авторе

Марат Павлович Бузский, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, metamarat1@yandex.ru, socphil@volsu.ru.